

СНЕЖНЫЙ ЧЕЛОВЕК В МИРОВОМ ФОЛЬКЛОРЕ

Сутягин Сергей Владиленович,
1977 г.р. Художник-дизайнер,
выпускник РАЖВиЗ.

Сейчас слово «сказка» обрело несколько иное значение, чем имело раньше. В наше время, когда сказки стали часто экранизируются, на первый план выходит интерпретация, граничащая с точкой зрения «рассказчика», главная задача которого преподнести историю современно, необычно, красиво. Сама главная мысль сказки, при этом, может быть упразднена, и даже размыта. На базе старых сюжетов рождаются новые, адаптированные под современника истории.

Сказочные персонажи изменяются до неузнаваемости. Однако же, не стоит забывать, что за каждой сказкой могла скрываться реальная история. А много ли приносили ли в сказку рассказчики прошлого? Я подозреваю, что ответ будет положительным. Конечно, это неизбежно, и многие сказки стали

такими, какими мы их сейчас читаем в книгах, именно благодаря наслоению ассоциаций каждого последующего рассказчика. А позднее, когда писатели превращали сказку в красивое и поучительное произведение, многие черты, способные сообщить о том, что могло быть в основе самой истории, исчезали, уступая место необходимым авторским вставкам. Задача многих авторов была адаптировать историю под детские ассоциации, дать свое объяснение необъяснимому, а с другой стороны приукрасить все, добавив волшебства и «чуда»...

Я много интересовался фольклором, по большей части - народов, населявших Россию. Сказки мне интересны также в связи со моей специальностью – по образованию я художник, иногда делал иллюстрации. Однако, часто я ставил себе задачу противоположную той, о которой говорилось выше: меня больше интересовала та реальная история, которая могла лечь в основу самой сказки. Мне был интересен момент, когда сюжет

начинал приобретать вымысел, и обретать то необычное, что заставило передавать эту историю из уст в уста.

Коль скоро я буду рассматривать легенды и сказки, в ракурсе современной науки, а точнее, одной из ее разделов, проблемы антропологии, загадки, касающейся существования «снежного человека» - вопрос об изучении которого поставил в середине XXв. известный советский ученый Б.Поршнев, я начну с рассмотрения известных на данный момент признаков этого существа. Как одно из косвенных доказательств его существования мы имеем сотни свидетельств от людей, видевших и даже взаимодействовавших с ним. Как известно со слов огромного числа очевидцев, в разных местах планеты облик существ имеет во многом схожий вид. Ученые, ставящие под сомнение достоверность источников, должны признать: если сейчас благодаря средствам информации, техническому прогрессу, повсеместное распространение мифа об одном и том же возможно, то в старину этого никак нельзя было сделать. Схожесть легенд о диких людях стала очевидна только в наше время, к моменту, когда истории насчитывали столетия. Но даже и в наше время не так просто было бы поддерживать в таком *порядке* миф об одном и том же существе. О нем говорят на разных языках, давая свои имена, люди с разным уровнем культуры, образования, профессий, вероисповедания и пр.. То, о чем рассказывают свидетели современные, было известно со глубокой древности, как среди странных летописных свидетельств о поимке диких людей, так и в целом ряде сказочных персонажей.

Однако, для начала, я выпишу черты, которые отмечаются большинством именно современных очевидцев, видевших «снежного человека», а затем их можно будет сравнить с теми, что известны из литературных памятников, которые современные свидетели вряд ли могли брать за основу.

- Обволошеность
- Темное или серое, часто страшное лицо
- Высокий рост
- Сутулость
- Заостренная голова
- Бочкообразная грудная клетка
- Коричневый, черный, рыжий, серый или белый цвет шерсти
- Красные глаза
- Активность ночью
- Мягкость, плавность движений, сила
- Свист
- Визжащий устрашающий крик
- Любовь к воде

- Холодоустойчивость
- Отсутствие речи
- Подобие мимики, эмоции
- Разные манипуляции с деревьями, ветками
- Любопытство
- Подражание
- Пристрастия в пище и среде обитания (багульник, дикие яблоки, коренья, болотную местность, подземные области, пещеры)

Можем ли мы найти у каких-либо героев легенд и сказок данные признаки? Ответ не заставит себя долго ждать: именно такие признаки присущи прежде всего лешим, овдам, пярям. Если охарактеризовать их роль в сказках – это будет прежде всего так называемая «нечистая сила». Значит в качестве прообраза нечисти был взят тот самый искомый вид дикого человека? Персонажи, считавшиеся «нечистыми», удивительно похожи на «поршневого неандертальца», шерпских йети, самку, заснятую Гимлиным и Паттерсоном и лесных великанов, о которых известно по рассказам очевидцев. Такие признаки, как «заостренная голова» и «красные глаза» присутствуют у известных персонажей мифов Евразии. Даже японские Лешие внешне не сильно будут отличаться.

Давайте рассмотрим некоторых персонажей. А начну я не со сказки, а описания встречи Преподобного Сергия Радонежского, совершавшего свой подвиг затворничества в глухих лесах нынешнего Сергиево-Посадского района. Здесь, конечно, на первом месте стоит его восприятие событий, но он четко причисляет то, с чем столкнулся к той же самой «нечистой силе». Вот этот эпизод в житии: «»

В данном контексте, в русских сказках персонаж «нечистой силы» зовется не именем, а – прилагательным, существительное к которому можно подставить, как, например, «человек» или «дикий человек» или «гоминид». В этом случае и «леший» будет являться прилагательным. (человек водяной, человек лесной, человек домовый, человек банный, человек амбарный) Только в старину говоря о них умышленно не употребляли существительного, подчеркивая таким образом, что существо, подобное человеку, все же не относится к людям и для него нет имени, а только лишь прилагательное, или даже - причастие. Кстати, в этом смысле и чертей возможно рассматривать как признак, ведь слово чёрт изначально имело значение как «копающийся в земле». Отсутствие названия может говорить как о незнании природы существ, так и суеверия перед произнесением вслух их сущности.

Как следствие принципиальной разницы между людьми и «нечистыми», можно говорить о враждебности видов друг к другу. Но как известно, не бывает правил без исключений и попадались сказки, в которых

говорилося о взаємопоши між ними, однак, і вони містили правочинення о тому, що краще з ними справи не мати. Само слово «нечистий» може мати в основі поняття «не причастний», (к законам і релігії людського суспільства) гріховний, не дозволяється релігійним звичаєм, пов'язаний з злим духом. Приведу приклад значень названь деяких персонажів.

- Бес – (baisus) – страшний, жахливий
- Бука – (bokka) – привидення
- Баба Яга – (яга) – страдання, зло, біль, (engti) – мучити
- Ведьма – (ved, vedeti) – знати, колдувати
- Волкодлак – (длак) – навиворот, вовчя шкура на виворот
- Вампир – (вонмпыр, упыр)
- Кикимора – (кик)-горб, (мора, мара) – манити, маяти
- Черт – ((s)ker) – різати, відсікати – куций, 2) підземний дух, жити в землі
- Ящур – (чур, пращур) – прародитель, давній родич

Інтересно значення трьох персонажів, маючих «родичню зв'язь». Це – Вий, Велес і Кощей. Останнє ім'я якого походить від (kosci) – «невольник» і від «kostь» - «тощий, кістка» в давньослов'янській міфології був сином Матері Землі. Утка, зберігачка яєць з смертю, шанувалася птахом Вия. Ім'я «Вий» родичньо імені «Велес» - волос, близький по значенню словацькій «rusadia, rusa lia». Велес був пов'язаний з підземним світом, лісом, був покровителем скоти і після жатки пучок колосів залишали «Велесу на бородку», щоб задобрити. «Велес» і «Вий» мають в основі поняття «волоси» і «ресниці». Вий мав смертоносний погляд і якщо він піднімав повіки і дивився на людину, той помирав. В даному випадку така черта має в основі повір'я о «сглазе», «дурному погляді». По інших легендах Вий знімає поглядом всяке діяння оберегів проти нещастя.

Також описання слов'янської «нечистої сили» перекликаються з персонажами у інших народів. Якщо подивитися на чорти різних істот, таких, як: овди, п'яри, алмызы, хийси, кули, шурале і пр. всі вони будуть схожі між собою і обов'язково будуть містити ознаки «сніжного людина», приведені в списку. То є, по великому рахунку, «сніжний людина», питання про яке було не раз поставлено вченими ХХв., по суті – чергове названня персонажа «нечистої сили». Розмова йде не тільки об описанні зовнішнього вигляду, але і о рисах в поведінці розглядаються істот. Для того, щоб зрозуміти ступінь реальності і вигадки, я, не сильно вдаючись в деталі, спробую проаналізувати сюжети казок.

Часто казки сприймаються слухачами як навчальні історії (так сказати, набір «лайфхаків» як себе бажано вести в ситуації приводимої в історії). Казки я б розділив на іносказальні –

подобные басням, где персонажами могут выступать животные, сказки, рассказывающие о положении в человеческом обществе, богатстве, бедности и пр., и сказки, в которых происходит встреча с одушевленными персонажами потустороннего мира, в основной массе это – та самая нечисть, о которой говорилось. Естественно, помимо всего прочего, в большинстве мировых сказок животные способны вести диалог с человеком, способны разговаривать и понимать. То же самое можно сказать и в отношении «нечистой силы» - нигде нет непонимания между героем и ее представителем. То есть, для всех персонажей сказок язык един.

В сказках и легендах многих народов бытует еще одна ипостась, в которой предстает «нечисть» - образы мертвецов и вурдалаков. В народном сознании часто покойник, по сути их знакомый или ближний, живший с ними под одним кровом и деливший пищу, и «нечистая сила» сливаются во единое целое. Возникает естественный вопрос: что могло послужить появлению нечистой силы в образе мертвецов? По легендам, душами умерших владеют «духи нижнего мира», получается, что это те же Велес, Вий, Кощей, в общем – та же «нечисть». Тут приходят на память священные удмуртские рощи, заповедные места, где обитают духи. Какова же внешность этих сказочных вурдалаков? Считается, что у умерших продолжают расти волосы и ногти и постепенно тело покойника зарастает и он становится похожим на всю нечисть... Об этом заблуждении я хотел бы привести фрагмент рассказа «Страх» известного французского писателя Ги Де Мопассана.

«Пожилой мужчина с седыми волосами и безумным взглядом ожидал нас, стоя среди кухни и держа заряженное ружье, в то время как двое здоровенных парней, вооруженных топорами, сторожили дверь. В темных углах комнаты я различил двух женщин, стоявших на коленях лицом к стене. Мы объяснили, кто мы такие. Старик отставил ружье к стене и велел приготовить мне комнату, но так как женщины не шевельнулись, он сказал мне резко: — Видите ли, сударь, сегодня ночью исполнится два года с тех пор, как я убил человека. В прошлом году он приходил за мною и звал меня. Я ожидаю его и нынче вечером. И он прибавил тоном, заставившим меня улыбнуться: Вот почему нам сегодня не по себе.

Я ободрил его, насколько мог, радуясь тому, что пришел именно в этот вечер и был свидетелем этого суеверного ужаса. Я рассказал несколько историй, мне удалось успокоить почти всех. У очага, уткнувшись носом в лапы, спала полуслепая лохматая собака, одна из тех собак, которые напоминают нам знакомых людей. Снаружи буря ожесточенно билась в стены домика, а сквозь узкий квадрат стекла, нечто вроде потайного окошечка, устроенного рядом с дверью, я увидел при свете

ярких молний разметанные деревья, качаемые ветром. Я чувствовал, что, несмотря на все мои усилия, глубокий ужас продолжает сковывать этих людей и всякий раз, когда я переставал говорить, их слух ловил отдаленные звуки. Утомившись зрелищем этого бессмысленного страха, я собирался уже спросить, где мне спать, как вдруг старый лесничий вскочил одним прыжком со стула и опять схватился за ружье, растерянно бормоча:

— Вот он! Вот он! Я слышу!

Женщины опять упали на колени по углам, закрыв лицо руками, а сыновья вновь взяли за топоры. Я пытался было успокоить их, но уснувшая собака внезапно пробудилась и, подняв морду, вытянув шею, глядя на огонь полуслепыми глазами, издала тот зловещий вой, который так часто приводит в трепет путников по вечерам, среди полей. Теперь все глаза были устремлены на собаку; поднявшись на ноги, она сначала оставалась неподвижной, словно при виде какого-то призрака, и выла навстречу чему-то незримому, неведомому, но, без сомнения, страшному, так как вся шерсть на ней стала дыбом. Лесничий, совсем помертвев, воскликнул:

— Она его чувствует! Она его чувствует! Она была здесь, когда я его убил. Обеспамятевшие женщины завывали, вторя собаке. У меня невольно мороз пробежал по спине. Вид этого животного, в этом месте, в этот час, среди этих обезумевших людей, был страшен. Целый час собака выла, не двигаясь с места, выла, словно в тоске наваждения, и страх, чудовищный страх вторгался мне в душу. Страх перед чем? Сам не знаю. Просто страх — вот и все.

Мы сидели, не шевелясь, мертвенно бледные, в ожидании ужасного события, напрягая слух, задыхаясь от сердцебиения, вздрагивая с головы до ног при малейшем шорохе. А собака принялась теперь ходить вокруг комнаты, обнюхивая стены и не переставая выть. Животное положительно сводило нас с ума! Крестьянин, мой проводник, бросился к ней в припадке ярости и страха и, открыв дверь, выходящую на дворик, вышвырнул собаку наружу. Она тотчас же смолкла, а мы погрузились в еще более жуткую тишину. И вдруг мы все одновременно вздрогнули: кто-то крался вдоль стены дома, обращенной к лесу; затем он прошел мимо двери, которую, казалось, нащупывал неверною рукой; потом ничего не было слышно минуты две, которые довели нас почти до безумия; затем он вернулся, по-прежнему слегка касаясь стены; он легонько царапался, как царапаются ногтями дети; затем вдруг в окошечке показалась голова, совершенно белая, с глазами, горевшими, как у дикого зверя. И изо рта ее вырвался неясный жалобный звук.

В кухне раздался страшный грохот. Старик лесничий выстрелил. И тотчас оба сына бросились вперед и загородили окошко, поставив стоймя к нему большой стол и придвинув буфет. Клянусь, что при звуке ружейного выстрела, которого я никак не ожидал, я

ощутил в сердце, в душе и во всем теле такое отчаяние, что едва не лишился чувств и был чуть жив от ужаса.

Мы пробыли так до зари, не имея сил двинуться с места или выговорить слово; нас точно свела судорога какого-то необъяснимого безумия. Баррикады перед дверью осмелились разобрать только тогда, когда сквозь щелку ставня забрезжил тусклый дневной свет. У стены за дверью лежала старая собака; ее горло было пробито пулею. Она выбралась из дворика, прорыв отверстие под изгородью. Человек с бронзовым лицом смолк, затем прибавил:

— В ту ночь мне не угрожала никакая опасность, но я охотнее пережил бы еще раз часы, когда я подвергался самой лютой опасности, чем одно это мгновение выстрела в бородатое лицо, показавшееся в окошечке.»

Этот рассказ не является сказкой, это – повествование одного из попутчиков, беседовавших на корабле. Возможно, писатель был одним из слушателей. Если мы обратимся к современным случаям, когда будучи в тайге в избушке люди сталкивались с «лесным гостем», можно наблюдать явное сходство в описаниях его поведения. И что характерно, и реакция собаки в точности напоминает реакцию многих других собак, чувших «снежного человека». Мопассан не дает описания внешности, характерного «снежного человека», есть только «горящий взгляд» - то, что является одним из признаков «снежного человека».

Многим героям темных сил приписывается людоедство и предрасположенность к питью крови. Упыри, вурдалаки являющиеся ночью, несомненно относятся к нечисти. Среди описаний внешности этих сказочных персонажей часто попадаются черты, характерные для всей «нечистой силы»: спутанные лохматые волосы, длинные ногти. Возвращаясь к тем же диким людям, надо отметить, что по наблюдениям они, как и животные, питаются диким мясом и естественно, пьют кровь.

Еще один пример людоедства содержится в алтайской сказке «Боролдой-мерген и его храбрый сын». Сказка (в пересказе Булатова) рассказывает о борьбе человека и злого алмаса. Сказка вполне реалистична, ее вполне можно воспринимать как реальную современную историю, не ломая голову над тем, какую интерпретацию здесь придумал автор. Вот фрагмент с описанием внешности:

«В глубокой древности жил на голубом Алтае людоед Алмыс. Были у него длинные черные усы, перекинутые за плечи, как вожжи. Борода у него была до колен. Глаза были налиты кровью. Во рту – большие острые зубы. На пальцах - острые когти. Все тело покрыто густой шерстью. Был этот Алмыс свирепый, кровожадный, беспощадный. Нападал он в лесу на охотников, нападал в аилах на женщин, не щадил он стариков, не щадил и

маленьких детей. И был он так силен, так хитер, что никто не решался бороться с ним. Как завидят Алмыса – поскорее убегают подальше да прячутся. Вот как-то раз спустился со своих гор Алмыс и пришел в тот аил, где жил Боролдой-Мерген. Забегали люди в страхе, не знают куда спрятаться...»

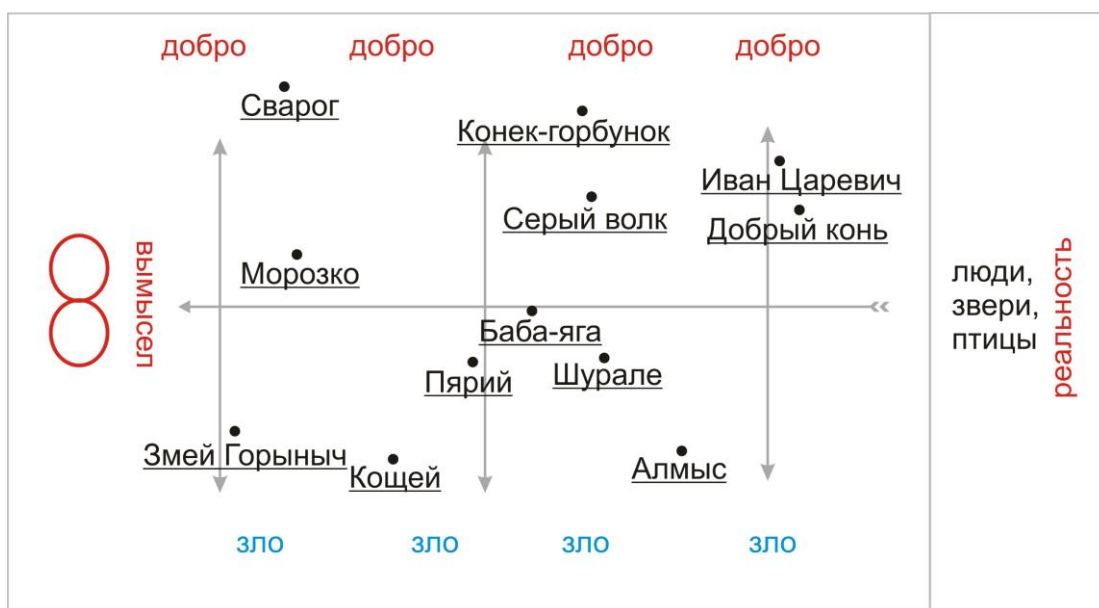
В большинстве сказок персонажи так называемой «нечистой силы» выступают совершенно обособленным образом, смешение их с людьми – невозможно, при том, что они имеют вполне человеческие черты. Первое слово, которым можно охарактеризовать отношения людей и нечистых – вражда. Правда, она не во всех случаях имеет место, иногда наоборот – взаимопомощь. Второе слово – обман: и люди обманывают лесных жителей, и наоборот. Третий характерный момент – «знание при незнании»: люди знают, кто есть «нечистые», они всегда жили бок о бок, также, например, как с медведями, однако сама природа, образ жизни их племени никого не интересует, в основном потому что их боятся и считают именно дикими в широком понятии этого слова, что неудивительно, ибо добро в завершённом понимании – понятие человеческое.

Не стоит путать «нечисть» с «внешним врагом». Часто в современной интерпретации эти персонажи представляют завоевателями из других стран – монголо-татарами, ливонским орденом, половцами и т.д.. Это ошибочное представление. В качестве примера мы имеем такой замечательный памятник литературы, дошедший до нас из глубины веков как «Слово о полку Игореве», в котором существо «див» упоминается два раза. Все произведение – о войне княжеских дружин с врагами. Однако див здесь выступает не как враг, он не имеет ни к каким врагам, с которыми ведутся войны, отношения. Какова его роль? Он – на подобии юродивого, человека, но дикого, полуживотного, живущего в лесу, у вершины, пророчащего, кричащего о предстоящих плохих событиях. Да, люди в старину слушали дивов, для некоторых они служили барометрами предстоящих событий. В житии Ильи Муромца фигурирует все тот же див, только в данном случае Илья совершает очень рискованный подвиг – идет на него «охотиться». Представлять образ Соловья-разбойника в виде одинокого спятившего татарина – грубая ошибка. Ведь «соловей» – тот кто свистит, а «разбойниками» часто звали и леших, опять-таки, это прилагательное, как «лесовик», «полевик», в данном случае говорящее о качествах данной особи. Кстати, с якутского «чучунаа» переводится именно как «разбойник».

Итак, все эти персонажи, с моей точки зрения – собирательный образ, но собирательный не среди вымыслов и не среди конкретных людей, это – собирательный образ совершенно определенного вида, существовавшего с древних времен и существующего по сей день. Благодаря первым попыткам науки в прошлом веке отыскать это существо, можно догадаться, кто являлся прообразом всей этой «нечисти» в сказках, мифах и легендах. Этот,

обособленно существующий вид в настоящее время принято именовать «снежный человек».

Дальше я хотел бы привести схему, на которой можно условно обозначить «степень реальности». На одной стороне шкалы пусть будут располагаться персонажи, которых мы можем всегда наблюдать в обычной жизни – бедные, богатые, женщины, дети, воины, собаки, лошади, медведи, вороны, филины и т.д., на другой стороне можно увести данную шкалу в бесконечность, то есть, обозначить фантазийность и нереальность. Каждый персонаж желательно рассматривать целиком, не только внешность, но и производимые им действия. Также я бы ввел перпендикулярную шкалу – добра и зла.

В данном примере будет понятно, что человек, главный персонаж, может иметь большую или меньшую силу, больше или меньше способностей, но он будет занимать свое место на схеме, а именно – большинство людей будут находиться в пределах «реальности». Что же касается «мифических существ», то их положение на схеме будет разбросано от вполне реальных до существ, имеющих можно сказать, причудливые формы. Нас интересует тот прообраз в «реальности», которому впоследствии придавалась большая или меньшая степень вымысла. Если рассматривать животных, то они не далеко отступают от своей природы, однако в сторону вымысла у них появляются дополнительные способности, например, летать, превращаться, говорить. Возможно ли выделить в данном контексте «нечистую силу» как самостоятельную единицу, берущую свое начало в нашей реальности или мы можем говорить о ней только в качестве человека или животного, приобретающего в сказке вымышленные черты? Не может же из чистого вымысла родиться персонаж,двигающийся в сторону

реальности? Известно, что, например, пегас в этом случае, произойдет от лошади, злой колдун от человека. Но может ли леший или водяной изначально произойти от человека с какими-нибудь измененными свойствами? Ведь известно, что в сказках подчеркивается разница между людьми и нечистью, и человек, перешедший на сторону «темных сил» не переставал при этом быть человеком, а «русалки», «полевики», «баеники», сговорясь с человеком никогда не становятся людьми, «домовой» или «амбарный» или «лесовик» - слова, обозначающие *признак*, «чужого» человеческой природе существа. Еще нагляднее эту разницу можно проследить в сказках народов Сибири, которые имеют меньше наслоений авторов и возможно поэтому сохранились в более первоизданном виде, здесь некоторые персонажи порой имеют почти полный набор признаков «снежного человека», приведенный в начале статьи.

В завершении напишу свои соображения по поводу «звериного образа» некоторых сказочных персонажей. Считается, сто в таком образе волосатого великана человечество отторгает свое дикое звериное начало. Все стремление человечества – уйти от тех своих корней, когда человек был частью животного мира, ходил обволосенный, косматый с клыками и орудовал камнем и дубиной. Мысль о том, что несмотря на длительную историю эволюции, в подсознании сидит прообраз первоизданного человека, который пугает нас, с моей точки зрения, ошибочна по нескольким соображениям.

Первое – стадии эволюции, коль скоро принимать теорию эволюции человека, были разными. Какая именно стадия развития человека должна была так закрепиться в подсознании у современных людей, что постоянно рождала сказки с образом «врага», обволосенного и дикого? *Homo erectus*? Учитывая, что возраст древнейших остатков человека, близко стоящего к современному виду, составлял более 40 тыс.лет, то становится удивительно, почему внутренний механизм в нашем сознании постоянно возвращает наши фантазии именно к этому периоду?

Второе – на памяти человечества скорее всего должен был существовать не один вид гоминид, с которым наш вид значительно различался. Пример – неандертальцы. Однако, память о них, существовавших с современным видом бок о бок, не могла на столь длительное время сделать его персонажем сказок. Даже взаимодействие «нечисти» с персонажем находилось в реальном времени и не имело отсылок именно к прошлому. Если сказка призвана учить, зачем наставлять человека о том примере, которого уже давно не существует? Не могло быть такого длительного «буфера», сохранявшего события древности, как и ряд сказок с драконами и «змеями-горынычами» не мог содержать память взаимодействие человечества с динозаврами.

Третье – прообраз своего предка не должен был пугать человека настолько, чтобы он постоянно фигурировал в былинах в качестве отрицательного персонажа.

Четвертое – не было потребности в сознании человека смешения человеческого и животного начала. Человек делил животных на домашних и диких, полезных и вредных. Человек жил в гармонии с животным миром и вряд ли мог иметь потребность примерить на себя «звериную шкуру», при том, чтобы после этого тут же стать остальным людям враждебным. Когда заходит речь о «нечистой силе», она всегда является самостоятельной единицей, во многих сказках, даже в такой, как «звериная шкура», где женщина сбрасывает и вновь одевает свою шкуру, а когда шкуру сжигают – убегает прочь, видна необычность и чужеродность этого персонажа.

С моей точки зрения, многие сказки имеют целью объяснить природу этих персонажей, передать информацию об образе жизни, пристрастиях и опасностях, связанных с контактами с ними. И в данном случае, в качестве объяснения, человечество имеет такую размытую шкалу «реальности» их сущности. Пока, а возможно и навсегда, их сущность от человечества скрыта, как по сей день скрываются те, кому принадлежит определенная доля в фольклоре многих народов.

30.07.2018

Сутягин С.В.